

Школа им. А.М.Тордакова
Современная версия Царскосельского лица

Russi in Italia

Русские в Италии

Авторы

Сергей Поляков, главный редактор

Всеволод Воронов, хороший парень

Георгий Глазов, художник и поэт

Захар Сухоруков, весельчак

Александр Рыбалко, путешественник

Андрей Писков, лирик

Дмитрий Крылов, приглашенный автор

Александр Кузьмин, строгий куратор

Здравствуй, читатель!

Современному путешественнику в условиях развитой и доступной глобальной информационной сети всё сложнее ощутить радость первооткрывателя. Так же, как мы в «Явлении Христа народу» усматриваем в углу фигуру спасителя, путешественник наблюдает остатки далёкой и чуждой культурной самобытности. И, словно в «Последнем дне Помпеи», он видит наступающее разрушение – не в буквальном смысле, а в смысле стирания границ между странами, смешения культурных ценностей. Хотя, как бы ни было всё вышесказанное печально, тема культурологических связей между эпохами теперь становится особенно интересной. Как вычленение и различение смешанных сыров в пище, путешественником владеет составление схем взаимных влияний в искусстве...

Образ Италии, скорее всего, наиболее развитый и богатый образ чужой страны в русской литературе. По крайней мере, ни об одной стране не осталось такого количества дневников, воспоминаний, стихов и проч., как об Италии. И, как ни странно, понимание этого образа важно для понимания именно русской культуры. Связь времён, диалог культур... Изучение этих феноменов было поставлено в качестве задачи путешествия. Цели журнала – во-первых, очертить Италию, такую, какой её ощущали(-ют) русские писатели, художники и прочие образованные люди; во-вторых, проследить культурологическую связь времён и культур; в-третьих, донести до читателя нашу духовную рефлексию от поездки, а также собственное творчество, на которое нас непосредственно вдохновила Италия.

Итак, русский едет в Италию. Что его влечёт?

Русские в Риме

Свой маршрут «Русские в Риме» мы начали с Русского экуменистического центра, который находится на улице Borgo Pio, 141 (№1 на схеме в конце статьи) – в двух шагах от собора св. Петра.

В основе значения слова «экуменистический» лежит идея объединения людей, принадлежащих разным христианским конфессиям. Этот центр был открыт в 1976 году и задумывался как место, объединяющее западных христиан – по преимуществу католиков – и православных, эмигрировавших в Италию, как место, где и те и другие

смогут ближе познакомиться не только друг с другом, но и восточной и западной христианскими культурами. По прошествии более чем тридцати лет Centro Russia Ecumenica превратился в просветительскую организацию, занимающуюся не только распространением итальянских переводов русских классиков и философов, но также проведением различных курсов и конференций гуманитарной направленности. В этом центре любой русский найдет для себя частичку России и её культуры – будь то книги, репродукции картин знаменитых русских художников или иконы.

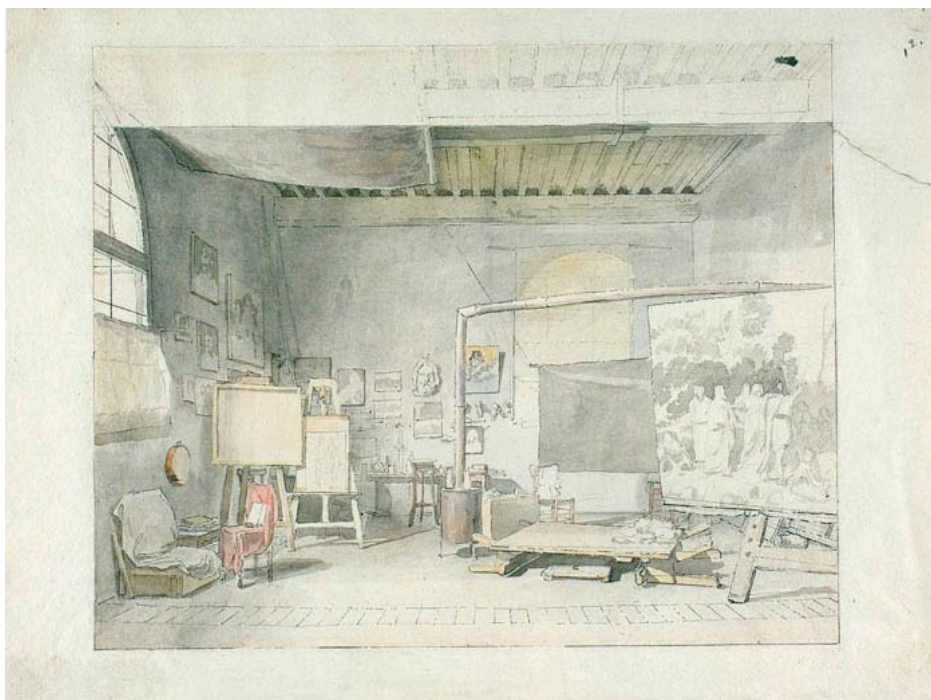
Сильвестр Щедрин.
«Новый Рим. Замок Святого Ангела» (1821-1825)

Александр Брюллов.
«Вид замка Святого Ангела в Риме» (1823-1826)

Если идти по Borgo Pía в сторону Тибра – противоположную от Ватикана, то вскоре вы окажетесь у Замка святого Ангела (№2 на схеме), не поленитесь обойти его по набережной и вспомните русских художников-пенсионеров, известную картину Сильвестра Щедрина и Александра Брюллова, запечатлевших Замок святого Ангела на своих картинах.

Пройдя дальше по набережной Тибра в сторону виллы Боргезе, мимо мостов Умберто I и Кавура, за последним сверните на Via di Ripetta и идите по ней до Via del Vantaggio, потом поверните налево, и вы окажетесь перед домом №7 (№3 на схеме) – бывшей мастерской художника Александра Иванова, писавшего в Риме «Явление Христа народу». Сама мастерская находится во дворе, и, чтобы попасть в неё, нужно пройти через массивные деревянные ворота. Сейчас по этому адресу располагается мастерская итальянского архитектора Антонио Симболотти, и время от времени Центр российской культуры в Риме (www.centrorusroma.org) проводит здесь свои мероприятия.

Александр Иванов. «Мастерская художника в Риме» (1830-е. Акварель. ГТГ)

Удаляясь по Via del Vantaggio от Тибра, поверните направо на Via del Corso и идите по ней до Via Condotti, где в доме №86 находится знаменитое кафе «Греко» – место встречи поэтов и художников в Риме XIX – начала XX вв (№4 на схеме).

Кафе «Греко» являлось своего рода интернациональным клубом искусств. Оно служило местом встреч и время проведения многочисленных художников, писателей и композиторов всего мира. Там сживали Гёте, Байрон, Стендаль, Шелли, Ганс Христиан Андерсон, Бизе, Гуно, Мицкевич, Россини, Берлиоз, Мендельсон, Лист, Вагнер и Тосканини.

В наши дни при входе в кафе висит мемориальная доска со словами «Старинное кафе „Греко“, основанное в 1760 году. Взято под охрану государства как ценный памятник старины». В глубине кафе на стене, среди других, можно увидеть миниатюрный портрет Николая Васильевича Гоголя, а чуть далее, под стеклом, исписанный лист бумаги со строками из его письма к Плетнёву от 17 марта 1842 года: «О России я могу писать только в Риме, только там она предстаёт мне вся во всей своей громаде...»

Ренато Гуттузо. «Кафе „Греко“». 1976.
Мадрид, Музей Тиссен-Борнемиса

К Гоголю, а точнее, к дому 126 на Via Sistina (№5 на схеме), где он когда-то жил и написал большую часть «Мёртвых душ», и следует отправиться после посещения кафе «Греко».

По Via Condotti мы доходим по площади Испании, поднимаемся по знаменитой лестнице и идём по Via Sistina в сторону фонтана Тритона. Дом Гоголя с мемориальной доской будет слева.

Дойдя до конца Via Sistina, вы очутитесь на Piazza Barberini у фонтана Тритона (№6 на схеме), знаменитого творения Бернини, воспетого Вячеславом Ивановым в одном из его «Римских сонетов»:

*Двустворку на хвостах клубок дельфиний
Разверстой вынес; в ней растёт Тритон,
Трубит в улитку; но не в зычный тон –
Струя лучом пронзает воздух синий.*

*Средь зноя плит, зовущих облак пиний,
Как зелен мха на демоне хитон!
С природой схож резца старинный сон
Стихийною причудливостью линий.*

*Бернини, – снова наш, – твоей игрой
Я веселюсь, от Четырёх фонтанов
Бредя на Пинчьо памятной горой,*

*Где в келью Гоголя входил Иванов,
Где Пиранези огненной иглой
Пел Рима грусть и зодчество титанов.*

На площади с фонтаном Тритона поверните
на Via del Tritone и, пользуясь картой, обяза-
тельно дойдите до фонтана Треви (№7 на схе-
ме).

*Весть мощных вод и в ваянии прохлады
Послышится, и в их растущем рёве.
Иди на гул: раздвинутся громады,
Сверкнёт царица водоёмов, Треви.*

*Сребром с палат посыплются каскады;
Морские кони прянут в светлом гневе;
Из скал богини выйдут, гостье рады.
И сам Нептун навстречу Влаге-Деве.*

*О, сколько раз, беглец невольный Рима,
С молитвой о возврате в час потребный
Я за плечо бросал в тебя монеты!*

*Свершались договорные обеты:
Счастливого, как днесь, фонтан волшебный,
Ты возвращал святыням пилигрима.
(Вячеслав Иванов из цикла «Римские сонеты»)*

Однако это место известно не только как чудо архитектуры, созданное в середине XVIII века Николой Сальви. Здесь в XIX веке в палатцо Поли, в стены которого причудливо вплетён фонтан Треви с его барельефами и скульптурами, располагался известный всему городу светский салон княгини Зинаиды Волконской. В гостях у княгини бывали Гоголь, Кипренский, Брюллов, Бруни... Кисти последнего принадлежит портрет З.А. Волконской, любительнице театра, в костюме Танкреда, хранящийся сейчас в Русском музее.

У фонтана Треви можно закончить экскурсию по некоторым русским местам Рима. Не забудьте бросить монетку в воды фонтана, чтобы обязательно вернуться в Рим и продолжить открывать для себя его историю и тайны.

Александр Кузьмин

В.А. Жуковский. «Н.В. Гоголь на вилле Зинаиды Волконской в Риме»

Николай Гоголь Рим <отрывок>

...Когда, наконец, после шестидневной дороги показался в ясной дали, на чистом небе, чудесно круглившийся купол – о!.. сколько чувств тогда столпилось разом в его груди! Он не знал и не мог передать их; он оглядывал всякой холмик и отлогость. И вот уже наконец, Ponte Molle, городские ворота, и вот обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянул Monte Pincio с террасами, лестницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушках. Боже! как забилося его сердце! <...>

...Князь взглянул на Рим и остановился: пред ним в чудной сияющей панораме предстал вечный город. Вся светлая груда домов, церквей, куполов, остроконечий сильно освещена была блеском понизившегося солнца. Группами и поодиночке один из-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушные террасы и галереи; там пестрела и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколен и куполов с узорною капризностью фонарей; там выходил целиком тёмный дворец; там плоский купол Пантеона; там убранная верхушка Антониновской колонны с капителью и статуей апостола Павла; ещё правее возносили верхи капитолийские здания с конями, статуями; ещё правее, над блещущей толпой домов и крыш, величественно и строго подымалась тёмная ширина Колизейской громады; там опять играющая толпа стен, террас и куполов, покрытая ослепительным блеском солнца. И над всей сверкающей сей массой темнели вдали своей чёрною зеленью верхушки каменных дубов из вилл Людовизи, Медичи, и целым стадом стояли над ними в воздухе куполообразные верхушки римских пинн, поднятые тонкими стволами. И потом во всю длину всей картины возносились и голубели прозрачные горы, лёгкие как воздух, объятые каким-то фосфорическим светом. Ни словом, ни кистью нельзя было передать чудного согласия и сочетанья всех планов этой картины. Воздух был до того чист и прозрачен, что малейшая чёрточка отдаленных зданий была ясна, и всё казалось так близко, как будто можно было схватить рукою. Последний мелкий архитектурный орнамент, узорное убранство карниза – всё вызначалось в непостижимой чистоте. В это время раздались: пушечный выстрел и отдалённый слившийся крик народной толпы, – знак, что уже пробежали кони без седоков, завершающие день карнавала. Солнце опускалось ниже к земле; румянее и жарче стал блеск его на всей архитектурной массе: ещё живей и ближе сделался город; ещё темней зачернели пинны; ещё голубее и фосфорнее стали горы; ещё торжественней и лучше готовый погаснуть небесный воздух... Боже, какой вид! Князь, объятый им, позабыл и себя ... и всё что ни есть на свете.

1841

Мой Рим

Андрей Писков

Я не знал, чего ожидать от этой поездки, а уж тем более от Рима. Всё детство я читал книжки про эту страну и мечтал попасть туда, а теперь даже не знаю, чего ждать.

Рим очень напомнил Грецию. Первые впечатления оказались схожими: пальмы, холмы, приятный лёгкий ветерок, загорелые люди (в Италии они суровее). Весь ландшафт схож, так как эти страны расположены на одной широте. Однако запах немного другой – приторный, наполненный гарью, но приятный, тёплый. После холодной России это было подарком.

Рим слишком тесный. В нём ты теряешься из-за обилия зданий, магазинов, историко-культурных объектов. Этот город обречён на неоправданные ожидания и восхищённые вздохи, так же, как и вся Италия в целом. Днём основная часть города выглядит как обычный мегаполис, в котором проглядывается античная и барочная архитектура, заслоняя обыденность жизни. Ночью Рим становится волшебным, как если бы все твои мечты вылезли наружу. Рим становится романтическим: дома и церкви светятся огнями, фонари озаряют тёмные улицы, светофоры мигают тремя цветами, машинные фары освещают дорогу – создаётся особая аура города. Люди спешат по улицам домой или на прогулку. Свет Рима бьёт тебе в лицо.

В этом городе действительно соединились времена и чувства. Связь прослеживается в каждой улице, площади, доме. Более точно это описал Гоголь в своей повести. Стоит заглянуть в любой угол и увидеть на современном здании и античную фигуру. Сначала совсем не хотелось верить в этот чудный город, в его магию, но он на самом деле захватывает тебя; в своём соединении времён чувствуется мощь и жизнь. Античность живёт в этом городе и по сей день. В этом и заключается подлинная красота Рима.

Рим слишком большой для маленького человека. Люди перестают чувствовать себя в нём собой, они забываются. Кажется, что в этом городе могла бы произойти любая из выдуманных в мире историй. Я увидел Рим с собственной стороны, и он показался мне слишком всеобъемлющим. Может, я очень много ждал от «вечного» города, а может, просто за изобилием памятников не увидел главного – сердце города. Мне кажется, оно похоронено глубоко, под вековой пылью античности и форума, под мощью Пантеона и Колизея, под красивыми барочными церквями и под длинной тенью католической церкви.

Георгий Глазов

Просто сон

Он появился тут, в Риме, снова, после ста шестидесяти лет отсутствия, не молодым, не старым, а просто призраком прошлого.

Проснувшись, он первым делом проверил, на месте ли его нос и подумал, что неплохо бы заглянуть к Саше Иванову и посмотреть на его работу. Он вспомнил, что художник даже обещал нанести его самого на полотно неподалеку от Мессии, если конечно он того захочет. Он выглянул на солнечную улицу и поправил голову с прекрасными волосами. По улице проезжал знакомый извозчик, ругаясь, конечно, как и все извозчики, но с долей итальянской утонченности.

Неспешно, переставляя ноги на манер Венеры, двинулся он в сторону Via del Vantaggio, думая о том, что лето нынче прохладное и ему не мешает новая шинель. Хотя, конечно, можно и старую залатать (что душой кривить – денег у него в излишке не водилось). Мимо проходили люди, не замечая его. А может, кто-то и кричал ему «*Piumato amico*», но он вяло отмахивался широким плащом, словно крылом, а если и пытался что-то возразить, у него вырывались утробные скрипы и щебет. Все вокруг него были рыжими, а то и с козлиными бородками (что напомнило ему любимого козла Тимофея, блеющего сейчас где-то далеко на родине, в родной родительской усадьбе Васильевке). Погруженный в ностальгические воспоминания о родине, он даже не заметил, как врезался в Обелиск Фламиния. На площади Piazza del Popolo было как всегда многолюдно и даже скорее тесно. Отсюда до Саши Иванова совсем было недалеко. Но он не торопился, благо светило еще било его в голову и для пущей таинственности он отправился в католический храм ордена августинцев Santa Maria del Popolo. Он ходил туда не молиться, конечно, но подурочить ксендзов, которые кормили его вкусной пищей. От воспоминания о еде у него проснулся аппетит и зачесался нос. «Надо обязательно заглянуть в Greco», – подумал он.

У дома 7 по Via del Vantaggio он остановился и решительно постучал в двери условным стуком, то есть кулаком. Зная о спокойствии своего друга, он решил подождать минуту-другую, но через час решил, что дома его нет или Иванов в конец ушел в себя. Немного обидевшись и безумно проголодавшись, он, прыгая через лестничные пролеты со второго на первый этаж, решил забежать в Café Greco, с надеждой, что встретит там своих друзей или хотя бы хорошую чашку кофе.

Идти было далеко, но воздух, окружавший его, был так хорош, что в нем можно было захлебнуться. И тут он вспомнил, что забыл деньги. Пошупав карманы, он подумал, что неплохо бы взять взаймы, но, увы, он всего лишь писатель... Придется, подумал он, снова писать сидя за столиком, пока кто-нибудь из его друзей не угостит его. К тому же, пока он так сидел и писал, у него получались презабавные истории, которых скопилось уже у него на целых два тома. Размечтавшись уже совсем до неземных размеров, он подумал, как вернется к себе домой богатым, сытым и после сразу попадет в рай. Его размышления прервал косолапый, дюжий и немного приземистый человек – весь в черном, испачканный грязью и землей. Этот медведь буквально налетел на него – не то чтобы очень сильно, но как-то тяжело, грузно, сразу же высосав всю радость. «*Guarda dove metti i piedi! Sollevare le palpebre!*» – прокричал он вслед толстому.

С совсем плохим настроением он вошел в Café Greco, надеясь только на удачное и глубокое общение с глубокой и чистой душой, которые, в отличие от мертвых душ, окружавших его порядочно, мог-

ли рассуждать на темы благие и духовные. В кафе было пусто. Поняв, что бесплатным кофе его потчевать не будут, он обессилено плюхнулся на любимое кресло и тут же вскочил, так как пребольно ударился обо что-то. Приглядевшись поближе, он понял, что никогда не видел такого странного предмета. Предмет этот был похож внешне на кусок металла, но как-то причудливо светился и гудел. Бросив его назад и подумав о дьявольском происхождении этой вещицы, он вдруг заметил на стене свой портрет. «Надо же всего несколько лет пил тут кофе, а уже портрет повесили», – подумал он. А потом пригляделся и понял, что портрет весь выцветший, старый, а под ним и даты жизни 1809 – 185..., последняя цифра стерта.

Он вспотел и утер украдкой лоб. Решив ни на минуту более тут не оставаться, он направился к себе домой на Via Sistina. На некогда многолюдных улицах было пусто и пугающе тихо. Мимо проехало четырехколесное чудовище, мирно урча, как деревенский кот. Ошарашено он, потирая глаза, смотрел вслед непонятному механизму, который так скоро исчез за углом. Объяснив все это недосыпом и игрой света, он торопливо и нервно, то и дело озираясь, дошел до своего дома.

В квартире было жутко холодно. Он растопил камин. После того, как пламя заиграло на его румяных щеках и он даже позволил себе улыбнуться, обнаружилось, что в камине догорали его рукописи, которыми он так успешно развел огонь. Помня, что чертыхаться нельзя, а имя Господа всуе произносить и подавно, он обескуражено каркнул.

Несмотря на горящие тома в квартире было по-прежнему холодно, и он решил согреться на улице, под лучами Гелиоса. На улице люди ходили вдалеке, а здания как будто изменили свои очертания. Он протер глаза и на всякий случай прочистил нос, так как доктора говорили ему, что все беды от него. Но все по-прежнему было до крайности странно. И тут ему стало так страшно, что он полетел с места, перебегая от дерева к дереву и взглядом вырывая людей. Проходящий мимо мальчик был в такой странной одежде, что он три раза перекрестился и спрятался за дерево. Люди говорили сами с собой, держа в руках те самые коробочки, на одну из которых он чуть не сел в Café Greco. И тут он понял, что, наверняка, попал в ад. Он все ждал, что кто-нибудь из проходящих мимо монстров польет его огнем и превратится в беса с вилами. Мимо прошла зеленоглазая кошка, посмотрев на него так, что он побежал. Он бежал мимо машин, отталкивая людей, перелетая через улицы, и все ждал, что сейчас он провалится под землю и геенна огненная проглотит его за грехи его. Тут он споткнулся...

Мастерская Иванова была залита мягким, творческим светом. Саша сидел молча и грозно смотрел на него. «Как я, по-твоему, нарисую портрет, когда ты так прыгаешь на стуле?» – спросил он. В ответ он молча встал и посмотрел в окно. За ним простиралась его Италия, красочная, с прекрасными зданиями и узкими улочками. «Так ты дашь себя дорисовать или так и окончим на твоём носу?» – раздался голос Саши Иванова. Он плюхнулся на стул и с улыбкой посмотрел на своего друга. «Это был просто сон, – спокойно подумал он. – Просто сон».

Н.В.Гоголь. Рис. А.А.Иванова, 1847 г.

Культурный контекст

Вячеслав Иванов
В Колизее

Great is their love, who love in sin and fear. Byron
Велика тех любовь, кто любят во грехе и страхе.
Байрон

День влажнокудрый досиял,
Меж туч огонь вечерний сея.
Вкруг помрачался, вкруг зиял
Недвижный хаос Колизея.

Глядели из стихийной тьмы
Судеб безвременные очи...
День бурь истомных к прагу ночи,
День алчный провожали мы –

Меж глыб, чья вечность роковая
В грехе святилась и крови,
Дух безнадежный предавая
Преступным терниям любви,

Стеснясь, как два листа, что мчит,
Безвольных, жадный плен свободы,
Доколь их слившей непогоды
Вновь легкий вздох не разлучит...

Между 1893 и 1902

Георгий Глазов
Колизей

Гладиатор втыкает меч
В раскалённое сердце врага,
И песок начинает течь
Вместе с кровью с клинка в никуда.

На трибуне звери рычат,
Хлеб и зрелищ просит толпа,
На песок части тела летят,
Вылетает из сердца душа.

Скрипом смерти доспехи звучат,
Раскрывается глотка льва.
На трибунах звери кричат.
Смерть сидит во главе стола.

В.Суриков. «Колизей». Акварель. 1900

В облике практически любого города можно обнаружить следы итальянской архитектуры, стоящей у корней науки о строительстве. Характеризуя влияние римской архитектуры, в частности, принято говорить следующее: «Рим — оригинал, а остальные города — его копии». Всё искусство европейской цивилизации так или иначе опирается на опыт античности и Ренессанса; не удивительно, что и Петербург наполнен буквально скопированными с итальянских аналогов постройками.

Античность оставила в наследство современному Риму и миру базовые архитектурные решения и типы — архитектурную азбуку, возрождённую в новое время и применяющуюся до сих пор. Во-первых, это древнегреческая стоечно-балочная система перекрытий с треугольной крышей. В Петербурге примером использования такой системы служит здание Биржи на Васильевском острове, выполненное в тяжеловесном дорическом ордере. Во-вторых, из Древнего Рима пришли купольные своды (в свою очередь в Рим они пришли с востока), распространившиеся как в европейской, так и в восточной храмовой архитектуре, хотя в Византии и на Руси предпочтение всегда отдавалось трансформациям купольного свода — парусному и крестово-купольному. В Петербурге есть множество крестово-купольных храмов (Исаакиевский, Казанский и др.), однако совершенно нет строений с купольным перекрытием, размещённым непосредственно на цилиндрической основе (таких как Пантеон в Риме).

Наиболее важным в утилитарном плане является тип древнеримской инсулы — многоквартирного трех-, семизэтажного жилого дома. Это жильё было настолько практичным и относительно недорогим, что, по оценкам археологов, в Риме было несколько десятков тысяч инсул. В Петербурге, в отличие от Древнего Рима, подобные строения, конечно, были гораздо надёжнее и иногда оснащались водопроводом и канализацией, хотя в общих чертах ничего не изменилось: на

высоких первых этажах так же размещаются общественные заведения; окна так же прямоугольные и выровненные рядами; с крыш так же свисают карнизы, оставленные скорее как неизбежная дань традиции, ибо солнце в широтах Петербурга никогда не приближается к зениту.

Древним римлянам также принадлежит изобретение амфитеатра и его системы входов и выходов. Многие современные амфитеатры, располагающие десятками тысяч зрительных мест (Петербургский СКК, Дворец Спорта «Юбилейный») организуются по образцу Колизея, то есть имеют проходы по всему периметру постройки, что оптимизирует время входа и расположения зрителей на местах.

Можно упомянуть, что, помимо заимствования типов, также наблюдается феномен заимствования элементов конкретных построек. Например, колоннада Казанского собора напоминает колоннаду собора св. Петра в Риме, а бывшее здание банка, расположенное в начале Невского проспекта, явно имело в качестве прототипа дворец дождей в Венеции. Кстати, можно предположить, что Петербург часто называют северной Венецией, благодаря именно этой кальке, по которой в новый город переводились набережные, купола и фасады домов из города на воде.

Общий план Петербурга и Рима отчасти схож. В обоих городах выделяется точка, из которой пучком расходятся три улицы, центральная из которых является осью города. Такая трёхлучевая планировка в Риме появилась в XVI веке, при папе Сиксте V; с тех пор она распространилась по Европе и, в частности, определила облик Петербурга. В Риме центральной точкой служит Пьяцца дель Пополо, а главная улица — Виа дель Корсо (или Виа Лата). В Петербурге, соответственно, Адмиралтейство и Невский проспект. Но важно заметить, что Петербург, в отличие от Рима, не прошёл через эпоху Средневековья, когда регулярная застройка не применялась, поэтому в целом он застроен менее стихийно. Так, при строительстве Петербурга три луча с главной осью были выделены изначально, а Виа дель Корсо до XVI века, напротив, была далеко не самой популярной среди римских улиц, и тем более не воспринималась как главная. Широких и прямых проспектов в Риме сравнительно немного, причём большинство из тех, что есть, было прорублено через старые дома и улицы в XIX–XX веках с целью разрежения дорожного движения.

Отсюда следует, что архитектура Петербурга основывается на опыте мировой архитектуры, для которой опыт Рима имел одно из первостепенных значений.

Конструктивная основа Петербургского СКК
(<http://www.spbckk.ru>)

Русская Тоскана

П.П. Муратов
Сан-Джиминьяно

<отрывок>

Вёрст за пять на горе показался силуэт Сан-Джиминьяно, отчётливый и лёгкий. Нам пришлось делать большой объезд влево и затем медленно подниматься зигзагами в гору. «Тринадцатибашенный» город на время скрылся из виду. Пока мы поднимались, в небе совершалась перемена: свинцовые оттенки ушли на запад, тонкая пелена облаков вдруг засияла, пронизанная солнцем. Мы были высоко; на много вёрст кругом открылись поля и виноградники Тосканы, побуревшие дубовые леса, дымящие фермы, селения, краснеющие черепицей и отмеченные скромной деревенской колокольной. Нас окружала священная земля – родина чести и высоты человеческой в прекрасном.

С сильно бьющимся сердцем мы въехали в старинные ворота Сан-Джиминьяно и, проехав немного по безлюдной, вымощенной со средневековым искусством улице, остановились перед маленьким провинциальным альберго. Знакомая и милая обстановка полудеревенской гостиницы ожидала нас. В большой выбеленной комнате мы отдохнули, погрелись перед камином и позавтракали в обществе офицера, заброшенного сюда командировкой, и молодого художника-француза, приехавшего на этюды.

Когда мы вышли на улицу, она была тиха и безлюдна. Только в одном окне показалась голова: кто-то любопытствовал посмотреть на приезжих. Медленная, почти остановившаяся жизнь идёт за этими потемневшими и пережившими столетия стенами. От сильно выступающих флорентийских карнизов улица кажется ещё уже, она погружена в вечную тень. Но башни в конце её – знаменитые башни Сан-Джиминьяно – были ярко освещены. Там, высоко, осеннее солнце пригревало в последний раз перед зимой травы, проросшие в их старых трещинах.

А. Рыбалко
Сан-Джиминьяно

Солнце нагрело камни средневековых стен. Ящерица, взбежав по стене, устроилась под солнцем. Сюда мы приехали ненадолго, однако синий пейзаж и башни, подпирающие небо, создавали настолько гармоничную обстановку, что время, проведенное здесь, оставило глубокие, неизгладимые следы и желание вернуться сюда вновь. Но пока мы ещё тут, поднимаемся по старинным ступеням на стену, и снова ящерка, палящее солнце, душно. Спускаюсь в сад, деревья окутывают меня своей прохладой. Пьянящий аромат сопровождал меня до самого города.

Стены давят, заставляя принять их настроение, оказаться частью города, почувствовать образ. Мы выходим через главные ворота, и теперь только башни напоминают о гармонии, аромате яблонь.

Мир тесен

Путешествуя по Тоскане, мы заехали в её провинцию: необычный уютный городок – Сиену. Нашим экскурсоводом была Лариса (фамилия, к сожалению, утеряна). Времени у нас было в обрез, поэтому вопросы я задавал прямо во время нашей прогулки.

Георгий Глазов: Позвольте спросить, сколько вы уже в Италии?

Лариса: Очень долго. Четырнадцать лет.

Г.Г.: Ого! И что же вас тут так держит?

Л.: Моя работа, конечно, и семья.

Г.Г.: Ваша семья тоже здесь?

Л.: Да, мой муж итальянец, и сынишка тоже.

Г.Г.: Он знает русский?

Л.: Немного знает, но ему нужно практиковаться, а тут не так много его сверстников из России.

Г.Г.: Почему вы приехали сюда?

Л.: Я учила язык в школе. Потом в университете. Приехала сюда на стажировку и осталась.

Г.Г.: Что вам больше всего нравится в Италии?

Л.: Мой город – Сиена.

Г.Г.: А если говорить в целом. Что вас тут вдохновляет или привлекает?

Л.: Думаю, воздух... Он тут насыщен теплом и уютом. Правда,жди часто, но климат тёплый особенно летом.

Г.Г.: Я слышал у вас в городе каждый год проходит праздник. Не могли бы вы рассказать о нём?

Л.: Вы, наверное, имеете ввиду Палио? Это конные скачки, которые проводятся два раза в год, летом. Соревнуются между собой контрады, районы, на которые разделён город.

Г.Г.: А вы состоите в какой-либо контраде?

Л.: Да, это контрада – Ракушка.

Г.Г.: Могу ли я вступить в какую-нибудь контраду?

Л.: Да, но это трудно. Можно болеть за любую команду, но, чтобы стать её членом, надо либо быть уроженцем города, либо связать себя кровными узами с одним из участников контрады.

Г.Г.: Вы знаете, ваш городок очень любили русские поэты и художники. Почему?

Л.: Их мог привлекать Сиенский собор. Он невероятно красив и оригинален. Также наш городок уютный и чистый, в отличие от многих других больших городов, таких как Флоренция. Художники здесь черпают вдохновение, хотя пейзажи всё же лучше в Сан-Джиминьяно.

Г.Г.: Давайте на секунду выйдем за рамки Сиены. Как вы думаете, чем влекла и влечёт Италия поэтов и художников?

Л.: Полагаю художественным и историческим наследием, свидетельства которого они могли найти буквально на каждом шагу.

Г.Г.: Часто ездите домой?

Л.: Я живу в Москве. И очень часто туда возвращалась первое время. Теперь, после рождения сына, я больше нахожусь тут.

Г.Г.: Что для Вас Италия?

Л.: Это мой второй дом. У меня здесь друзья, семья, работа. Но, конечно, я не считаю себя итальянкой (смеётся), я русская.

Утром 16 августа я оказываюсь на вокзале. Солнечные лучи озаряют небольшую станцию, по которой неторопливо шагают люди. Бессонная ночь, проведённая в хорошей компании, медленно выветривается из моей головы. Волоча багаж по платформе, я двигаюсь в сторону города, щурясь от яркого света. Сиена – милый город. Кто ездил по современной дороге от Рима до Сиены, тот знает, какой вокруг дивный пейзаж: зелёные равнины, горы вдалеке, холмы, «поросшие» средневековыми городами. Сиена находится в самом центре всей этой красоты – Тосканы.

Меня встречают улицы, вымощенные кирпичом и камнем, узкие переулки, высокие дома, украшенные арками, небольшие площади. Я скольжу по городу, и постепенно сквозь белизну солнца проступают тёмные силуэты людей. Я заглядываю им в лица и вижу неподдельный восторг, пляшущий в их глазах – сегодня состоится Палио.

В такие дни город выглядит по-особенному. Везде вывешены итальянские флаги и флаги контрад. К полудню улицы переполняются людьми: многие из них одеты в разноцветные национальные костюмы; есть люди одетые как обычные туристы, есть – как типичные итальянцы. Большинство из них перемещаются группами, есть одиночки. Я застыл в этой толпе и наблюдаю: вот собралась компания мужчин, одетых во всё жёлтое, с флагами контрады Орла; вот сидит старик, в его руках блестит значок контрады Единорога; вот маленькая девочка, ведомая своими молодыми родителями, бежит по улице навстречу Пьяцца дель Кампо – главной площади города, где и проводятся скачки. На лицах людей застыло счастье, радость. Это праздник, который ждали целый год.

В воздухе стали слышны звуки фанфар, и толпы народа потянулись к главной площади. Они стекались из всех дальних углов средневековой Сиены, облепляя здания и утягивая за собой зазевавшихся прохожих. Я заскочил в ближайший бар, боясь смешаться с толпой. Внутри посетителей нет. Присев у стойки, я заказал себе чай и стал смотреть в окно. Утро кончилось, и солнце вышло на небосклон в гордом величии. Ветер дует с севера, по площади гоняются друг за другом вихри песка. Город, окутанный праздничной атмосферой, медленно погружался в средневековье. Сохраняя безупречную осанку, я потягиваю чай и внимательно разглядываю улицу. Люди спешат, люди торопятся: все от мала до велика проскальзывают мимо меня. Эти люди, согнанные своими внутренними побуждениями и вековыми традициями в Сиену, собрались увидеть сегодня выдающееся событие в культурной жизни города. Через какое-то время улицы редуют и площади становятся пустыми. Холодный ветер обрушивается на обезлюдивший город, и песчинки громко барабанят в окно. Я допиваю чай и выхожу из бара. Иду по улице один, сворачиваю за угол и выхожу на площадь. Кто-то пробегает мимо меня, я слышу только шаги, лёгкие и быстрые. Прохожу ещё несколько кварталов, одиноко глядя по сторонам. Жаркое солнце палит своими лучами, но я знаю, что скоро тени начнут удлиняться и лёгкое дуновение ветра всколыхнёт меня.

Как соблазнительно погрузиться в послеполуденную дрему. По городу уже растекается ленивая истома, но я не спешу в её объятия. Я заражён идеей, которую хочу сохранить до следующего лета, когда снова настанет Палио. Блуждая по городу, я то дремлю, то просыпаюсь, снова слыша чьи-то шаги. Мне легко поверить, что всё снова будет по-прежнему, но я трясую головой и моргаю, чтобы опомниться. Я боюсь, что, проснувшись завтра, мои мысли уже не будут прежними, что, смешавшись с толпой, я потеряю то драгоценное чувство, которое осталось ещё в моей душе. Может раз в жизни случаются моменты, которые меняют тебя целиком. «Почему? Почему я?». Ты кричишь, но лишь эхо отражается от узких проходов. Сейчас здесь никого нет, улицы пусты как никогда. Старинный город баюкает тебя, укутывая в каменные стены домов.

Постепенно тени начинают удлиняться, солнце приобретает алый оттенок, и чувствуется лёгкое дуновение ветра. Мои веки тяжелеют, и я бегу от того, что преследует меня. Сворачивая в переулки, пробегая мимо указателей, я оказываюсь на Пьяцца дель Кампо. Мои руки леденеют, и я прикладываю их к щекам, чтобы согреться. Здесь, на залитой солнцем площади всё готово к началу. Уже прошли «игры знамён» и кони, пыхтя и цокая копытами, стоят на старте. Всадники лёгкой тенью примостились на спины лошадей. Народ замер, в ожидании грандиозного зрелища. Я стою, наклонившись вперёд. Моё лицо светится от счастья или от предвкушения чуда. Арбитр спешит сделать стартовый залп, лошади срываются с места, поднимая столпы пыли, и несутся мимо людей. Я протискиваюсь поближе к арене, в надежде уследить за быстрой конской ездой. В глазах всё мутнеет, фигурки лошадок бесследно тают. Я пытаюсь понять, кто же выиграл, но не могу.

Записки о Сиене

«...В Сиену я приехал ранним вечером. На улице было светло, влажно и тоскливо. Вода текла по мостовой, люди поглубже надвинули шляпы и подняли воротники пальто. Именно такой я и хотел увидеть Италию...»

«...После шумного и непонятного Рима, Сиена казалась удобным и живописным местом для короткого отдыха. Здесь нет никого, к кому я вынужден был бы обратиться, поэтому этот город мне уже нравился. Здесь можно было бы сделать паузу в один дождливый день, чтобы отдышаться и на время перестать думать о недостатках. Здесь можно было бы просто идти, а не бежать, чувствуя приближающееся завершение отведённого времени. Если в Сиене вообще есть такая величина как «время»...»

«...В Сиене никогда не было каких-то промышленных предприятий и, может быть, поэтому во время войны её не бомбили. С XIV века здесь практически ничего не перестраивалось, поэтому, гуляя здесь, чувствуешь, что Сиена со своими острыми башнями и тесной застройкой – город вертикальный, в который я приехал без каких-либо ожиданий и целей, а потому он, в свою очередь, может вполне обойтись и без меня...»

«...В Сиене людей мало для того, чтобы позволить себе не обращать на них внимания, и достаточно много, чтобы не чувствовать себя в полном одиночестве. После 1916-го года отсюда не исчезли красивые люди: они приятно одеты, выглядят скромными, любезными и доброжелательными. Туристов на улицах, конечно, больше, чем сиенцев, потому что последние вынуждены смотреть на происходящее, на улицах из прямоугольных окон с раскрытыми, ребристыми ставнями. Приезжие не стремятся выдавать себя и делают вид, что так же принадлежат этому городу, как и его коренные жители...»

«...С колокольни местной ратуши Сиена кажется округлым, даже чуть вздувшимся городом – он построен на чередовании холмов и низменностей. В целом Сиена имеет однородную гамму цветов – смесь песочного, серого и пурпурного. Единственное здание, режущее глаз, – Сиенский собор, как белые в чёрную полоску брюки советской элиты времён НЭПа. На открытках и фотографиях кажется, что собор каким-то образом отделён от остальных домов, в действительности же он стоит так же плотно, как и, наверно, все здания этого города...»

«...Следующим утром я раскрыл тяжёлые ставни окон и посмотрел в открывшееся пространство. На солнце черепичные крыши трёхэтажных домов казались слишком яркими, а тёмные мостовые слишком горячими. По своей форме это напоминало скорее Неаполь, чем города Тосканы. И солнечной Сиена мне показалась отвратительной: средневековые дома стали тяжёлыми и неуклюжими, а на улице чувствовался стойкий запах человеческого пота от неожиданной утренней жары. Я сел в душный автобус и попытался смотреть в окно. Через пять часов мы оказались во Флоренции...»

V.S.

Русский маршрут во Флоренции

Флоренция для любого человека связана прежде всего с именем Данте.

Все русские поэты, когда-либо бывавшие в этом городе, отдавали дань величайшему флорентийцу.

Александр Блок, проводя свой медовый месяц с Л.Д. Менделеевой во Флоренции в 1909 году, посвящает городу целый цикл стихов «Флоренция», первый из которых отсылает именно к Данте:

*Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!*

Как известно, Данте был изгнан из Флоренции и скитался по Италии всю оставшуюся жизнь.

Анна Ахматова и Николай Гумилёв также путешествуют по Италии после своей свадьбы в 1910 г. Возможно, встреча с Флоренцией и дала толчок «дантевскому» направлению творчества Ахматовой: Данте упоминается поэтессой в «Поэме без героя», её поздних стихотворениях, наконец, поэту посвящено ахматовское «Слово о Данте», которое завершается поэтическими строками поэтессы:

*Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятие,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог её забыть, –
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажжённой не прошёл
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...*

Несомненно, в этих стихах Ахматовой отражается и её собственная судьба, её отношения с родной.

Итак, Данте. Русский маршрут во Флоренции следует начинать именно с него, посетив Домик Данте на Via Alighieri, 14.

Памятник Н. Демидову на Piazza Demidoff

От домика Данте отправляйтесь к Арно, перейдите реку по Ponte alle Grazie и проведите несколько минут на Piazza Nikola Demidoff, в центре которой в небольшом садике стоит памятник Николаю Никитичу Демидову.

Николай Демидов – правнук тульского оружейника Никиты Демидова, благодетельствованного некогда Петром I. По этому поводу существует несколько легенд. Одна из них гласит, что Никита стал известен царю тем, что починил сподвижнику Петра, барону Шафирову, его немецкий пистолет, да ещё и изготовил точную его копию. По другой – Никита Демидов был единственным из тульских оружейников, взявшимся в 1696 году выполнить заказ царя на изготовление трёхсот ружей по западному образцу. Как бы то ни было, Пётр сделал его поставщиком оружия для войска во время Северной войны. Так как поставляемые Никитой Демидовым ружья были значительно дешевле зарубежных и одинакового с ними качества, то царь в 1701 году приказал отмежевать в его собственность лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добычи угля дать ему участок в Щегловской засеке. Также он выдал Демидову специальную грамоту, позволявшую расширить производство за счёт покупки новой земли и крепостных для работы на заводах. Отсюда и пошла империя Демидовых.

Изображение Данте (?) на мостовой
рядом с домиком поэта

Огромное наследство своих предков – десять металлургических заводов и несколько тысяч душ крепостных – Николай Никитич Демидов получил очень рано, в 15 лет, и, будучи расточительным молодым человеком, в скором времени залез в огромные долги. Встал даже вопрос о продаже уральских заводов. И тогда над всем имуществом была учреждена опека. Положение спасла выгодная женитьба на баронессе Елизавете Александровне Строгановой – наследнице громадных богатств знаменитого российского рода.

Как и все Демидовы, Николай Никитич много занимался благотворительностью: построил на свои деньги фрегат для Черноморского флота; московскому университету Демидов преподнёс 14 шкафов с минералами, чучелами животных и птиц. А в Петербурге в 1813 году на деньги Демидова были возведены четыре чугунных моста через каналы.

С 1815 года Николай Никитич живёт в Италии, сначала в Риме, а с 1822 – во Флоренции. В Италии Демидов пополняет свою коллекцию картин, которую собирал всю жизнь. В ней полотно знаменитых итальянцев – Перуджино, Тициана, Тинторетто, испанцев – Веласкеса, Мурильо, французов – Пуссена, Делакруа, художников фламандской и голландской школ... Отдавая предпочтение старым мастерам, не обходил он стороной и современных художников. Покровительствовал русским художникам-стипендиатам Петербургской Академии художеств, обучающимся в Италии. Именно благодаря финансированию Демидова, было завершено полотно Карла Брюллова «Последний день Помпеи».

Во Флоренции Демидов основал и содержал до конца жизни приют для престарелых, аптеку, бесплатную начальную школу на 160 мальчиков из бедных семей. Для того чтобы школа не прекратила своего существования и после его смерти, он сдал в аренду городским властям два флигеля, примыкающих к палаццо Серрестори с условием, что арендная плата пойдёт на содержание школы.

В 1871 году вблизи приюта, на выходящей на набережную Арно уютной площади, был установлен большой мраморный памятник. Его по заказу сына Демидова, Анатолия, поставил скульптор Лоренцо Бартолини. Николай Демидов в центре композиции изображён в виде римского сенатора, обнимающего своего сына. Женская фигура, сидящая с лавровым венком у ног сенатора, символизирует Признательность населения Флоренции. По углам постамента – четыре статуи-аллегии: Природа, Искусство, Милосердие и Сибирь. Природа изображена с зеркалом в руках. У ног Сибири стоит кирка,

символизирующая горные промыслы Демидовых на Урале. Искусство изображено с лирой (или кифарой) в руках, а Сострадание – кормящей из блюдечка девочку.

От Piazza Demidoff отправляемся к домику Чайковского. Чтобы дойти до него, нужно подняться с левого берега реки Арно до крепости Бельведера, по улочке Via dell Belveder. Улочка очень узкая и поднимается круто вверх. По ней ездят автомобили, а для пешеходов оставлен тротуар, шириной в полметра. Когда вы поднимаетесь, справа возвышается каменная стена древней Флоренции, а слева попадаются немногочисленные домики местных жителей, их имена выбиты на табличке, рядом со звонком.

Via dell Belveder

На вершине холма открывается великолепная панорама города. Особенно живописна она весной, когда начинают цвести деревья:

*Or San Michele,
Мимоз гора!
К беспечной цели
Ведёт игра.
Веточку, только веточку
В петлицу вдень –
Проходишь весело
С ней целый день.*

(М. Кузмин. «Утро во Флоренции». Апрель 1921)

Слева от крепости Бельведер расположен исторический центр, находящийся под охраной ЮНЕСКО, а справа начинается улочка Леонардо, которая ведёт к домику Чайковского. Улочка эта ещё уже, чем виа дель Бельведер. По обеим сторонам тянутся двухметровые стены, за которыми прячутся виллы. Верхушки этих стен заканчиваются частоколом острого битого стекла, которое призвано сохранить покой живущих здесь флорентийцев от перелётных птиц. Сан Леонардо – узкая и извилистая улочка, поэтому при прогулке по ней нужно быть осторожней, дабы не попасть под колёса мимо проезжающих автомобилей.

Этот район Флоренции, заросший кипарисом и пиниями, разительно отличается от суетного центра города. Здесь нет туристов, продавцов сувениров и производимого ими шума, но за каменной стеной протекает обыденная жизнь флорентийцев. Такую Флоренцию нужно увидеть каждому.

Вот, наконец, дом 64 по ул. Сан Леонардо, здесь жил Чайковский в декабре 1978 года. Мемориальная доска на стене дома гласит: «В этой вилле в 1878 году жил и творил Пётр Ильич Чайковский. Бескрайность русских равнин и плавность холмов Тосканы слились воедино в его бессмертных мелодиях...»

В этом доме сейчас живёт флорентиец Тости, о чём мы узнали по табличке рядом со звонком.

Погревшись на солнышке перед домиком Чайковского, отдохнув и насладившись тишиной, отправляйтесь назад, в центр Флоренции, по улице Галилео Галилея. Затем, пересекая маленькие парки, по улице Никола Макиавелли до Via Romana дойдёте до Palazzo de' Pitti, напротив которого расположен дом, в котором в 1968-1869 гг. жил Ф.М. Достоевский и писал свой роман «Идиот».

Мир тесен

Алексей Бахтин – петербургский художник. Ежегодно он читает лекции по анатомическому рисунку во флорентийской «Русской школе» (Российская Международная Академия Искусств), частном учебном заведении, в котором учатся будущие художники-живописцы.

V.S.: Почему Вы решили работать во Флоренции?

Алексей Бахтин: Там у меня есть большая площадка.

V.S.: В каком смысле? Буквальном?

А.Б.: Да. В Италии, а особенно во Флоренции, нет больших проблем в организации выставки или создании какой-нибудь художественной школы, то есть того, с чем в России пока большие проблемы. Ведь у нас для такого рода предприятий требуется очень много времени и сил, всегда найдутся люди «со стороны», которые смогут каким-то образом нажиться на твоей работе. Такое, конечно, есть и в Италии. Но в России это гораздо серьезнее.

V.S.: Вы что-нибудь преподаете?

А.Б.: Да, конечно. В Российской Международной Академии Искусств я преподаю Анатомию и Анатомический рисунок.

V.S.: Много у Вас студентов?

А.Б.: Да, достаточно. Тридцать человек. В основном – иностранцы – американцы, корейцы, японцы. Русских мало – два-три человека.

V.S.: А отличаются ли Ваши русские студенты от остальных?

А.Б.: Да, и очень сильно. Иностранные студенты гораздо терпеливее и собраннее русских. В Италии русским *реально сносит крышу*. У меня была одна

А. Бахтин. Портрет девушки

переводчица, до поездки она была пунктуальной и сдержанной, а как только прилетела в Италию, сразу же – «Ой, я во Флоренции! Всё, жизнь прожита не зря», и начала опаздывать, срывая таким образом мне лекции.

V.S.: Существуют ли какие-то требования у Академии к преподавателям?

А.Б.: Да, разумеется. Лекция читается только на русском языке, но с английским переводом для студентов. Четыре лекции по сорок пять минут каждая. Это – основное.

V.S.: Работают ли в Академии преподаватели других национальностей?

А.Б.: Пока нет. Но даже если это и случится – не думаю, что мы будем возражать.

В Италию Алексея будут приглашать преподавать в третий раз. Для Флоренции с её культурным наследием не менее важно развитие современного искусства и обучение искусству вообще, чем уход за теми шедеврами, которые остались от прошлого.

Культурный контекст

Вячеслав Иванов

Magnificat Боттичелли

Как бледная рука, приемля рок мечей,
И жребий жертвенный, и вышней воли цепи,
Чертит: «Се аз раба», – и горних велелепий
Не зрит Венчанная, склонив печаль очей, –

Так ты живописал бессмертных боль лучей,
И долу взор стремил, и средь безводной степи
Пленяли сени чар и призрачный ручей
Твой дух мятущийся, о Сандро Филиппеи!

И Смерть ты лобызал, и рвал цветущий Тлен!
С улыбкой страстную Весна сходила в доли:
Желаний вечность – взор, уста – истомный плен...

Но снились явственней забвенные глаголы,
Оливы горние, и Свет, в ночи явлен,
И поцелуй небес, и тень Савонаролы...

Между 1892 и 1902

Сандро Боттичелли. Мадонна Магнификат. Галерея Уффици. 1481-85. Дерево, темпера.

Караваджо. Медуза. 1598-99, Уффици.

Георгий Глазов

«Медуза Горгона» Караваджо

Широко раскрывая рот
И от ужаса вскинув глаза,
Медуза кровь льёт
На конец острия клинка.

Затихает шипение змей,
Яд – в недрах клыка.
Убей, Персей, убей,
Избавь от исчадия зла.

На щите висит голова,
Стекленеет ужасный взгляд.
Медуза Горгона мертва –
Жив отвратительный смрад.

Сандро Боттичелли. Весна. 1477-78. Масло, темпера. Галерея Уффици

Вячеслав Иванов
Весна

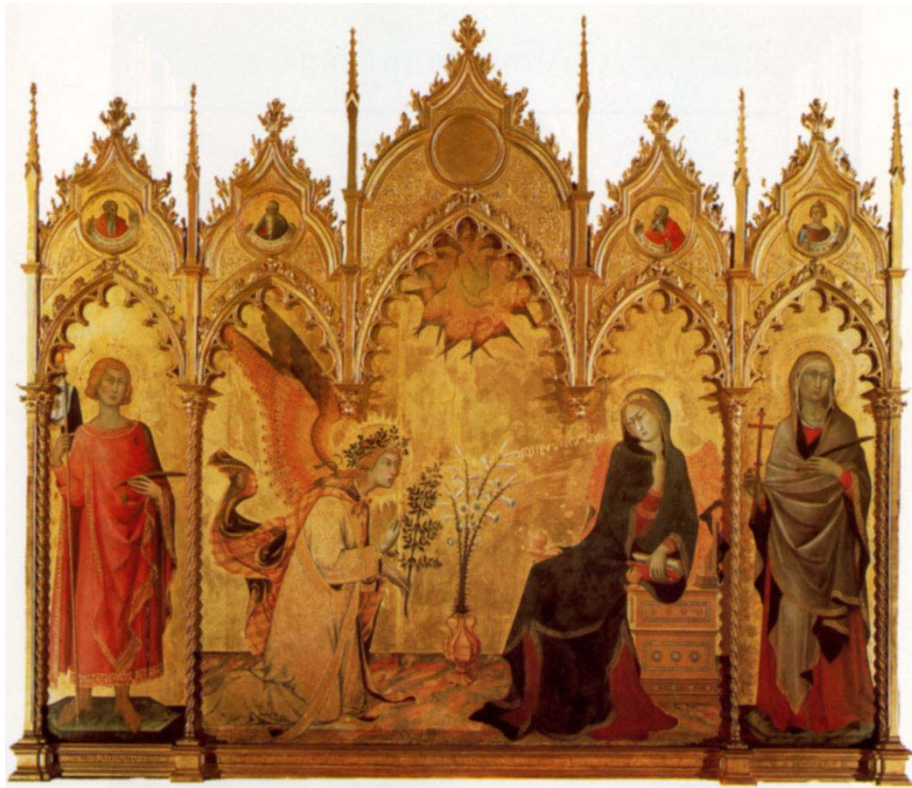
Округлых облаков лилейные толпы,
И млея, и клубясь над гладью моря дальней,
Роняют в светлый сон голубизны кристальной
Блестящих отсветов недвижные столпы.

Далече стелет челн лазурные тропы;
Белеет анемон, и дышит цвет миндальный,
И лёгкий пар таит волной фаты венчальной
Весны полуденной неслышные стопы.

И часто с края гор — ущелий гость бездомный —
Брега окликнет гром, — и льётся тёплый дождь,
И жаркая земля вздыхает грудью томной.

И в рощах флейты глас поёт — желаний вождь,
С тоской разымчивой — протяжный — неразлучен...
И сладостный призыв мятежно-однозвучен...

Благовещение Simone Martini

Первая стадия: Дева Мария сидит в двухмерном пространстве. Идейность девы сложена в её плоти в недостижимом измерении. Она зреет и облекается в дух. Пространство начинает разворачиваться. Головная боль. Муть золотой плазмы. Тонкая полоса ковра, точно развёрнутая бумажная открытка с вырезанными и вклеенными плоскостями переднего и заднего планов. Измерение идейности девственности и жертвенности преобразуется искривлённо и неестественно, словно дурно зажившая после перелома конечность, и, застывает. Если бы вы посмотрели на деву с не канонического ракурса, вам бы открылась смазанная и искажённо растянутая маска.

Вторая стадия: плазма золота начинает течь. Архангел Гавриил не спускается, но тон духа создаёт впечатление. Что стяжение и кристаллизация есть осадок. Мнимый осадок продолжает промываться током плазмы и оттого становится прозрачен. Драпировки также подчиняются обратным законам. Складки вращаются, но не треплются.

Третья стадия: Гавриил извергает глас. Лобачевский и Морзе теряют черты, посылая свои энграммы в сторону Вифлиемской звезды. Глас ровно течёт вперёд и в его духе мерцает идея слова божественного. Глас созидаящий и глаз значащий. Литеры, словно пульсации плазмы, видятся перепадами давлений перерождённой звуковой волны.

Четвёртая стадия: богоматерь потупилась под надвигающимся потоком пророчества. Головная боль пульсации. Искривление пространства.

Работа принадлежит к тому магическому этапу становления живописи, когда в мерцании, тусклом блеске лампад и дурноте религиозного экстаза авторы строили мистический и мучительный метаморфоз раскрепощения формы. Каждый новый шаг соответствовал новому искажению, новой слизистой оболочке или кокону на гармоничной и образно целостной иконописи византийской традиции. Иконопись корчилась, дрожала и крутила слепыми глазными яблоками. Из её тела вырастали неестественные органы новшества, только постепенно принимавшие привычный натуралистический вид. Чешуйки крыльев порождённой живописной традиции долго высыхали от эмбриональной жидкости.

Евгений Филиппов

«Если завтра будет солнце, мы во Фьезоле поедem...»

Быть во Флоренции и не съездить во Фьезоле было бы ошибкой.

Для русской интеллигенции XIX – XX века, жившей во Флоренции, Фьезоле было всё равно как Царское Село или Павловск для петербуржцев. Туда отправлялись отдыхать – на пикник, на раскопки древнего этрусского города, на конные прогулки.

В начале XX века вся петербургская богема распевала песенку Михаила Кузмина, сочинённую им здесь, во Фьезоле:

Если завтра будет солнце –
Мы во Фьезоле поедem.
Если завтра будет дождь,
То карету мы найдем.

Коль цветочницу мы встретим,
Купим лилий целый ворох.
Если ж мы её не встретим,
За цветами сходит грум.

Если повар наш приедет,
Он зажарит нам тетёрок.

Если не приедет он –
То к Данэлю мы пойдem

Если денег будет много –
Мы закажем серенаду.
Если денег нам не хватит —
Нам из Лондона пришлют.

Если ты меня полюбишь –
Я тебе с восторгом верю.
Если не захочешь ты,
То другую мы найдем.

Мы решили поехать во Фьезоле совершенно случайно – сорвалась одна встреча, и у нас освободилось время. Дорога до этого городка занимает минут двадцать на автобусе (№7) от площади Св. Марка во Флоренции. Серпантином поднимается она вверх, и вот вы оказываетесь на вершине холма, внизу которого, в долине, лежит Флоренция.

Фьезоле – маленький городок, основанный в далёком прошлом этрусками. Не поленитесь пройти по его узким улочкам и насладиться тишиной и покоем итальянской провинции.

Посетите раскопки древнего этруского города, посидите на ступеньках амфитеатра и загляните в музей этруской культуры.

Дмитрий Крылов

На высоких горах, над Флоренцией,
Переменчивым солнцем залитая,
Фьезоле раскинулась древняя
В кипарисах и плющом обвитая.

Седые театры и арки
Под простыми жилыми домами
Греются словно галки
На солнце, под ветрами.

Бежит по улице кошка
Беззаботная итальянка
Ничего, ей можно,
Хозяева – с гулянки.

Вечером заходит солнце,
Над горами стихает ветер.
Хозяева закрывают окна,
Во Фьезоле наступает вечер.

Захар Сухоруков Фьезоле (миниатюры)

Фьезоле, пригород Флоренции. Город древний, этруский. Итальянцы не любят этрусков.
С точки панорамы видна Флоренция. И Санта-Мария-дель-Фьоре. И облака.

I. Облака.

Облака в Италии особенные. Сразу вспоминаются детские мечты попрыгать по облакам. Не провалиться в первое попавшееся и насадиться животом на самую острую макушку в лесу. Нет, совсем нет.

Попрыгать, полетать, погреться на солнышке среди центнеров ваты. И дождя над тобой нет, только под тобой. Мягко и тепло.

Ещё, если посмотреть на днища облаков, видишь такую перспективу, что просто ах. В Италии облака особенные.

II. Кошка.

Бегают себе по развалинам, греются на тёплых камнях. И шерстка мягкая и блестящая. Бегают и забавляются с теми, кто пытается взять её на руки.

Хорошо кошке.

Евграф проснулся как всегда раньше, чем прозвенел будильник, и начал вспоминать поэтические сравнения, пришедшие к нему прошлым вечером. «Солнце, как одуванчик, поднималось над горизонтом», «Олады были тёплые и душистые, ну прям как девушки», «Индивидуум – не телевизор, чтобы его постоянно включать и выключать» и тому подобное.

Высокой поэзией Евграф увлёкся в пятнадцать лет, когда на даче нашел в библиотеке своей бабушки небольшой томик стихотворений Петрарки. Затем уже по наставлению самой бабушки Евграф взялся за ознакомление с творчеством Афанасия Фета, после чего понял, как низко он жил все прошлые годы и птицей какого высокого полёта он теперь стал.

Теперь распорядок жизни Евграфа был точно определён: днём – уроки в школе, затем – свободное время на еду, домашние задания и прогулки, а ночью – работа для Вечности.

Евграф поступил в Политехнический институт, где в ту пору начали своё восхождение шестидесятники. Евграф был буквально пленён их энергетикой и поэтической силой. Теперь ему было на кого равняться, кумирами стали не уже почившие в гробах классики, а вот – молодые и живые, как и он сам, начинающие большие поэты.

Он не пропустил ни одного выступления Еvtушенко или Окуджавы, а полки его комнаты занимали исключительно книги Роберта Рождественского и Беллы Ахмадулиной. Он выучил почти все ранние стихи Вознесенского, а когда тот оказался в опале, полтора месяца ходил с лошадиной тоской в глазах.

На одном из вечеров Евграф познакомился с Марчеллой – экспрессивной девушкой, мечтавшей стать инженером. Евграф готовился получить профессию фрезеровщика, но несмотря на различия в профессиональной деятельности, их роднила страсть к поэзии, которая в скором времени вылилась в глубокую привязанность друг к другу.

Любви у них, конечно, не было. Просто ему нравились её длинные, тёмные кудри и чуть хриловатый голос, а ей давно хотелось опекать кого-нибудь предсказуемого и надёжного.

Окончив университет, они поженились: нервный Евграф и темпераментная Марчелла. Но семейная жизнь у них не заладилась.

Сначала была нервотрёпка с получением отдельной квартиры, в ходе которой Марчелла назвала мужа «тряпкой». Затем появились загадочные вечерние уходы Марчеллы и возвращения только поздней ночью, в итоге чего Евграф назвал жену «гадиной». И, наконец, бесконечные споры о Сталине и диссидентах.

Через двадцать лет супружества Марчелла не выдержала. «Я, – сказала она, – больше так не могу. Я женщина и хочу покоя и уюта. Хочу ездить на машине и есть по утрам пирожные с кремом. Хочу купить стиральную и посудомоечную машину. Хочу жить нормально, а не в состоянии постоянной нужды чёрт знает с кем. Всё. Мне эта жизнь с тобой надоела».

Для Евграфа это был настоящий удар ниже пояса. Он ожидал измен или предательства, аборта или обета целомудрия, но только не взрыва негодования. Он не покраснел и не побледнел, а просто вышел из комнаты, чтобы выпить на кухне немного кипячёной воды, затем вернулся в комнату и сказал:

– Хорошо. Я согласен. Так, наверно, даже лучше. Но только давай сейчас уедем куда-нибудь на неделю-две. Вместе. В последний раз.

Марчелла сперва пожала плечами, но потом согласилась. Это уже не имело значения – решение было принято.

С большим трудом и помощью влиятельных знакомых-однокурсников им удалось купить два билета «туда – обратно». Три месяца они копили деньги и, наконец, полетели...

В Италию.

Перед поездкой они договорились, что будут соблюдать ритм и стиль итальянской жизни с её дуракованием в сиесту и серьёзностью во время мессы. Поэтому утро они начинали с католической молитвы, а день проводили во сне, отдыхая от утренних экскурсий и походов по музеям. Вечер же отдавался романтическим прогулкам и сидению у заката на фоне античных развалин.

Ходили они всегда вместе и за руку, как двадцать лет назад в университетские годы. А однажды, плюнув на посещение какой-то картинной галереи, Евграф сводил Марчеллу в настоящий, дорогой итальянский ресторан, чем привёл жену в неопишуемый восторг.

Утро последнего дня в Италии они, как всегда, начали с традиционного католического обряда.

– Ты прочтёшь молитву? – спросил Евграф жену.

Она подняла глаза и доверчиво посмотрела на него.

– Ты.

V.S.

Венеция. «Прогулки с Бродским»

Прогулку по местам Бродского в Венеции мы начали рано утром со Славянской набережной. Первым объектом нашей экскурсии стала любимая Бродским церковь Сан-Захария (№1 на схеме).

Церковь была построена ещё в IX веке как место для очередных мошей, в данном случае мошей святого Захария, отца Иоанна Крестителя. Однако от начальной постройки почти ничего не осталось – церковь слишком часто и много перестраивали.

Бродский так описывает её в своем эссе *Fondamenta degli incurabili*:

«На закате все города прекрасны, но некоторые прекраснее. Рельефы становятся мягче, колонны круглее, капители кудрявее, карнизы чётче, шпили тверже, ниши глубже, одежды апостолов складчатей, ангелы невесомей. На улицах темнеет, но ещё не кончился день для набережных и того гигантского жидкого зеркала, где моторки, катера, гондолы, шлюпки и барки, как раскиданная старая обувь, ревностно топчут барочные и готические фасады, не щадя ни твоего лица, ни мимолетного облака. „Изобрази“, – шепчет зимний свет, налетев на кирпичную стену больницы или вернувшись в родной рай фронтона Сан-Захария после долгого космического

перелёта. И ты чувствуешь усталость этого света, отдыхающего в мраморных раковинах Захария час-другой, пока земля подставляет светилу другую щеку».

Главный шедевр этой церкви — картина Беллини «Мадонна с младенцем и святыми», которая расположена слева от входа.

В своё время ею вдохновился сам Наполеон и увёз к себе во Францию, но через несколько десятков лет это сокровище вернули.

Сам Бродский вот как описывает эту картину в своей «Набережной Неисцелимых»: «Ночь была холодная, лунная, тихая. В гондоле нас было пятеро, включая её владельца, местного инженера, который и грёб вместе со своей подругой. Мы виляли и петляли, как угорь, по молчаливому городу, нависшему над нами, пещеристому и пустому, похожему в этот поздний час на широкий, более или менее прямоугольный коралловый риф или на анфиладу необитаемых гротов. Это было необычное ощущение: двигаться по тому, поверх чего привык смотреть, – по каналам; как будто прибавилось ещё одно измерение. Наконец, мы выскользнули в Лагуну и взяли курс к Острову мёртвых, к Сан-Микеле. Луна, исключительно высокая, словно какое-то умопомрачительно высокое „си“, перечёркнутая нотной линейкой облака, почти не освещала водную гладь, и гондола шла абсолютно беззвучно. Было что-то явно эротическое в беззвучном и бесследном ходе её упругого тела по воде – похожем на скольжение руки по гладкой коже того, кого любишь. Эротическое – из-за отсутствия последствий, из-за бесконечности и почти полной неподвижности кожи, из-за абстрактности ласки. Из-за нас гондола, наверно, стала

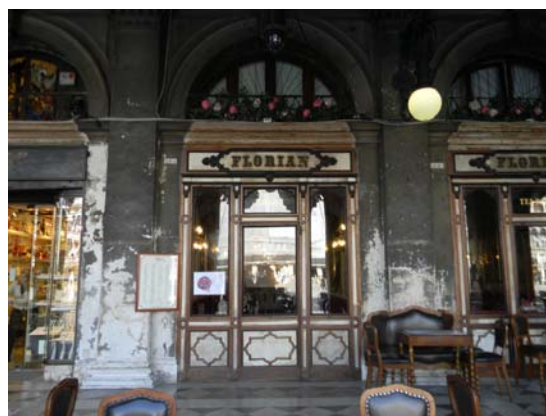
чуть тяжелее, и вода на миг раздавалась под нами лишь затем, чтобы сразу сомкнуться. И потом, движимая мужчиной и женщиной, гондола не была даже мужественной. В сущности, речь шла об эротизме не полов, а стихий, об идеальном союзе их одинаково лакированных поверхностей. Ощущение было среднего рода, почти кровосмесительным, словно при нас брат ласкал сестру или наоборот. Мы обогнули Остров мёртвых и направились обратно к Канареджо. Церкви, я всегда считал, должны стоять открытыми всю ночь; по крайней мере Мадонна делл'Орто – не столько потому, что ночь – самое вероятное время душевных мук, сколько из-за прекрасной Мадонны Беллини с Младенцем. Я хотел высадиться там и взглянуть на картину, на дюйм, отделяющий Её левую ладонь от подошвы Младенца. Этот дюйм – гораздо меньше! – и отделяет любовь от эротики. А может быть, это и есть предел эротики. Но собор был закрыт, и мы проследовали по тоннелю гротов, по этому плоскому, освещённому луной штрэку Пиранезе с редкими искрами электрической руды, к сердцу города. Что ж, теперь я знал, что чувствует вода, ласкаемая водой». На самом деле картина Беллини, о которой пишет Бродский, хранится не в церкви Мадонна делл'Орто, а здесь, в Сан-Захария.

Если от церкви Сан-Захария пройти по улочке San Provolo, ведущей к San Marco, то можно наткнуться на ресторанчик Trattoria Rivetta (№2 на схеме), завсегдатаем которого был Бродский. До сих пор здесь подают излюбленное блюдо поэта – спагетти с чернилами каракатицы.

На San Marco мы сделали остановку и заглянули в кафе Florian – мечту сноба, и, как Бродский, выпили там по чашечке кофе (№3 на схеме).

А далее наш путь лежал на Набережную неисцелимых — Fondamenta degli incurabili.

Мы переехали на вапаретто к церкви Санта-Мария-делла-Салюте, построенной в XVII веке в честь избавления города от чумы. Именно сюда, на остров Джудекка, отправляли всех неизлечимо больных чумой – отсюда и название Fondamenta degli incurabili.

Посидев полчаса на стрелке острова (№4 на схеме), погревшись на венецианском солнце и полюбовавшись видами соборов Сан-Марко и Сан-Джорджо Маджоре, мы отправились на саму набережную (№5 на схеме).

Сейчас она называется Fondamenta Zattere (дословно – «Набережная плотов»). Видимо, венецианцы, пережившие чуму, хотели поскорее забыть об этой катастрофе, поэтому и переименовали набережную. Но табличку со старым названием всё же оставили.

Неподалёку от таблички со старым названием сверкает ещё одна: «Иосиф Бродский, великий русский поэт, лауреат Нобелевской премии, воспел „Набережную неисцелимых“».

Когда мы дошли до Набережной неисцелимых, было уже около часа дня. Набережная – всегда открытое для солнца пространство, а особенно в это время суток. Было тепло, с Адриатики дул свежий ветер. Мы лежали на набережной, пока нас не окатил водой проплывавший мимо катер, а потом пошли дальше.

Если вы хотите увидеть место, где Бродский останавливался в Венеции во время своего первого приезда в 1973 году, то с набережной надо свернуть на Fondamenta Nani и пройти по ней до конца, слева от вас будет небольшое красное здание с надписью Pensione Accademia – там Бродский и жил (№6 на схеме).

Совсем рядом с Pensione Accademia находится остановка вапаретто Accademia. Чтобы продолжить наше путешествие, мы доехали до дворца Ca'd'Oro (№7) – «золотого дома», кстати, некогда принадлежавшего князю Трубецкому, который подарил его балерине Тальони. От Ca'd'Oro путь наш лежал к Fondamenta Nuove (№8), где любил прогуливаться поэт и откуда открывается вид на остров Сан-Микеле – последнее пристанище поэта.

3. Сухоруков, В. Воронов, А. Кузьмин

Отражения Венеции

**Георгий Глазов
Венеция**

Венеция печально тонет
Под тяжестью намокшей гривы льва,
И гондольер на маленькой гондоле
Бормочет через нос свои слова.

Стеклянная Венеция без длани
Висит, как поплавок, не зная дна,
Как Прометей, терзаемый волами,
Надёжно терпит бремя мук она.

Со стен пропали краски былой мощи,
Вода забвенью предаёт её...
Остались лишь святого Марка мощи
И жителей оконные бельё.

**Андрей Писков
Венеция**

Сквозь белую стену солнца,
Открыв навстречу оконца
И двери, шагаю бодро,
Забыв о потере. Скоро
Вся тонет Венеция
В каналах, и под мелодию скерцо
Блуждаю довольный
По улицам тонким,
Размытой Сан-Марко,
Риальто ломким.
Там, где недавно прошёлся дождь
И по лестнице поднимался дож,
Лёг собор, чей фасад
С мордой льва не схож.
Гранд Канал, где вода
Грязна и мутна,
Полон чёрных гондол,
И с моста не видна
Пьяцца с гордым львом.
И Вивальди стон
Из церквей слышен.
Мрачных масок узор
Освещает он,
И витрины стекла.
На трамвае морском по воде кружа,
Ощущаешь холод зимнего ветерка.
Хлад полей морских
Полон жизнью рыб.
Гладь воды мутна,
Город полон глыб.

Евгений Филиппов

Венецианское

Неподалёку от столиков, занятых молчаливо засунувшими руки глубоко в куртки стариками, напившимися вина, на площади группа детей и несколько матерей играют в скакалку. Мать держит один конец, маленькая дочь второй. Сперва прыгает девочка в голубом. Она смотрит матери в глаза и улыбается. Каждый прыжок сбивает улыбку в новое положение, с новой формой легко приоткрытого рта. Надо следить за тем, чтобы прыжки были не слишком резки, ведь тогда у девочки устанут ноги и она начнёт сбиваться. Приземляясь, девочка сводит носки, расслаблено поводя коленями. Очередь девочки в розовом. Частота колебаний растёт и соответственно прогрессирующий эффект резонанса восходит по гауссовой кривой. Но постепенно достигается предел возможного сочетания. Девочки вокруг, замороженные действием виртуозных прыжков, подчиняются волнам очага резонанса и, приоткрыв рты, начинают следовать такту взбрасывания скакалки своими прыжками. Еще минута и гауссова кривая привела к разрушению системы, девочка сбивается и, неловко переступив ногами, отходит в сторону.

Во мне созрела семизначность. Пан выпустил себя из меня. Повадки производят ровно такое впечатление на естественных обитателей, как если бы я носил копыта, мои голени имели дополнительное сочленение, уводящее кость за спину и были покрыты козлиной шерстью. С трудом сдерживаю себя от всяческой легкомысленной чепухи вроде игры на свирели. Сворачиваешь, ведомый неясными фантомами, в глубь. Фантом оборачивается рассеивается видом заурядного.

Чтобы пройти этот маршрут тебе пришлось разделить и по одиночке эпизодично посещать поля маршрутного млечного пути (картины встают вспышками).

Пространственная раскрепощённость венецианской архитектуры порождена обилием вертикального наложения конструкций, пересечением и сломом поворотов вектора строительства, создающими глубокую объёмность и антропоморфно малыми масштабами.

Птица сидит на антенне. Поднимает хвост и, расправляя крылья и запрокидывая голову, складывается словно фигура оригами. Возвращается в исходное положение.

Георгий Глазов

Венеция

Город, скажем, замечательный. Умирующий город. Попад в Венецию, вы конечно заблудитесь. Все это делают. А после, когда вы придёте в себя и в нужное место, купите мороженое и положите свое тело на набережную. Надеюсь, у вас хватит ума делать это только под горячим солнцем, так как под дождем недалеко и до насморка. А тут и так сыро. Вода все-таки. На самом деле венецианцы сами виноваты в том, что они тонут. Нет, конечно, они этого не осознают, но все же... Если пройтись по Венеции и сосчитать всех этих монстров, то наверняка не хватит пальцев рук и ног. Я имею в виду львов святого Марка, а не туристов, как вы подумали. Хотя туристов тут тоже хоть отбавляй. Ходят туда-сюда, глазают. А нет чтобы лечь на набережную. До чего же она хороша! Лежишь и смотришь на летающего льва на колонне, а рядом с ним голубь спит. Ну и пусть спит. Ему можно. Воздух тут есть, дышать можно. Морской такой, приятный, чуть холодный ветерок. И дело даже не в нем, а в состоянии души, которое он навеивает. Благодать.

На заказ

I

Когда-то фотографии со мной всегда получались удачными – такая мысль посещает меня, когда я перелистываю страницы семейного альбома.

Теперь, просыпаясь с отвратительной гримасой на вялом лице, я думаю, почему на снимках у меня одного неожиданно закрываются глаза.

Меня разбудил неприятный звук телефонного звонка. Голос, не требующий возражений, приглашал меня вниз – на первый этаж – завтракать. Я живу в очень тихой римской гостинице, где любой более-менее громкий звук принимает грандиозные масштабы. Сначала я просыпаюсь и думаю, что же это могло быть? Обычно – ничего. Или телефонный звонок с одним и тем же сообщением.

Я ответил: «Спасибо, хорошо», и повесил трубку. Разумеется, ни на какой завтрак я идти не собирался. На протяжении почти двадцати часов у меня так и не было возможности привести себя в порядок, поэтому я воспользовался этой получасовой передышкой на завтрак, чтобы смыть с себя осадок трёхчасового перелёта.

Я прибыл в Италию, чтобы пятью блестящими статьями осветить тему русской эмиграции в этой замечательной стране.

– Наша тема, – говорит мой редактор, – «Русские в Италии». Гоголь и Бродский, Тарковский и Иванов. Прошлое и настоящее. Связь времён! Скорее собирайте вещи и поезжайте.

Так-то.

Я заметил, что итальянские парни носят сорочки с застёгивающимися уголками воротничков. В моём багаже оказалась такая же. Я надел её, чтобы в тесноте римской подземки выглядеть для «них» своим. Итальянцы, я слышал, очень щепетильны в вопросах внешнего вида. Хотя, иностранцам, наверное, везде и всё прощается.

Ополоснув лицо прохладной водой, я попытался пригладить вихры. Сегодня мой первый день в Риме. Что будет дальше?

Телефон опять противно завизжал. Выслушав, я раздражённо произнёс: «Что? Да, иду», и повесил трубку.

Всё.

Я – русский в Италии.

От телефонного столика до двери примерно пять-шесть шагов.

Раз, два, три, четыре...

Я вышел из номера, громко хлопнув дверью.

Автобуса я ждал в вестибюле гостиницы и думал о том, как написать заказанные статьи. Вот уже как два дня я ничего не делал и поэтому был очень озабочен этим вопросом. Хотя кое-что у меня было готово и, как доказательство своей напряжённой работы, я отправил «это» своему редактору.

«Этим» были разного рода заметки, быстро написанные во время коротких пауз, скажем, в ресторане, пока готовился заказ, или в гостинице во время размещения. Заметки были набросаны карандашом на салфетках, визитных карточках или страницах путеводителя, так как сочинял я их в момент прилива неожиданного вдохновения.

Вот что я отправил своему редактору вместо нескольких готовых статей. И ответ не заставил себя ждать.

На моей кровати лежал аккуратный бумажный пакет прямоугольной формы. Видимо, его принесла горничная. Внутри была папка с моими салфетками, визитками, вырванными страницами – в общем, всем тем, на чём был мой аккуратный почерк. Никаких пометок или исправлений на них я не увидел. Только огромный зелёный штамп «ПОРНОГРАФИЯ» на первом листе, выражающий отношение редактора к моей «работе».

Кроме чёрной папки, на самом дне пакета обнаружилась какая-то оранжевая бумажка, сложенная вчетверо. Предугадывая содержание, я раскрыл её:

«Слишком много излишней субъективности тчк Изобилие бесполезной информации тчк Напишите о Риме как о чем-то понятном и доступном читателю тчк В общем тире думайте тчк Статьи в лучшем виде нужны через два дня тчк Удачи вскл знак Редактор тчк»

Я пробежал телеграмму глазами и, скомкав, бросил в пакет. Выбора у меня не было. Я дал своё согласие на участие в поездке и теперь должен играть по правилам. Я сел за стол и, наугад раскрыв записную книжку, нацарапал карандашом:

«Вечный город поражает разнообразными архитектурными ансамблями. Его культурное наследие – бесценно. Памятники седой Античности и барочные церкви создают необычайный контраст, дополненный призрачным, чуть уловимым ожиданием Прекрасного ...»

Вырвав страницу, я отправил её вслед за телеграммой – в бумажный пакет, который через несколько секунд полетел в унитаз. Бесшумно ударившись о керамическую поверхность, он расплескал на пол немного воды – достаточно, чтобы удачно поскользнуться.

Я вернулся за стол. Прямо перед глазами висело нечто среднее между «Композициями» Кандинского и кислотными снами мальчика Бананана. Мне показалось, что в голове разорвалась граната. Я позвонил на ресепшн и заказал шесть чашек кофе.

Категорически нельзя было спать. Не сейчас. Написав несколько отвратительных строчек, я должен был реабилитироваться. Хотя бы перед самим собой.

Передо мной стояла довольно сложная задача: написать статью, соответствующую литературным взглядам моего редактора, и, одновременно, чтобы в ней было что-то присущее только мне (момент индивидуальности никогда не давал мне покоя).

Я побежал в туалет и поспешно вынул из унитаза чёрную папку. Перечитал содержимое салфеток и снова вернулся к записной книжке.

Своя рубаха всегда ближе к телу.

«...Рим – город готовых впечатлений. Всё прочитанное, просмотренное и изученное до поездки тщательно консервируется и растасовывается по ячейкам: „Колизей“, „Пантеон“, „Сикстинская капелла“ и т.п. Поэтому, увидев ту или иную достопримечательность, даже не приходится утруждать себя работой над хоть каким-то восприятием, потому что до поездки „реальной“ совершается поездка „виртуальная“, в ходе которой изученные памятники воспринимаются почти как увиденные вживую. По своему механизму это напоминает игру „Ассоциации“. Все эмоции уже готовы, остаётся только увидеть объект, вызывающий эти эмоции.

В этом, наверно, и заключается главная идея подготовок к поездкам.

Конечно, везде может произойти такая ситуация. Но именно при посещении столиц, а особенно таких знаковых, как Рим, это переживается особенно остро.

Приезжать сюда, чтобы увидеть то, что сделало этот город Римом, не только бессмысленно, но и опасно. Здесь нет какого-то чёткого разделения, поэтому нужно ясно понимать, за чем/зачем приехал, потому что в противном случае можно попросту перестать воспринимать окружающее из-за бесконечного наложения одних культур/шедевров на другие.

В Риме нет архитектурной однородности, которая присуща, скажем, Петербургу. Здания конструктивизма эпохи Муссолини с лёгкостью перемежаются с древнеримскими акведуками, а барочные церкви с соборами классицизма, поэтому, в конечном счёте, уже не понимаешь, куда идти и что смотреть.

Тут приятно находиться поздним вечером. Ночной сумрак умело сглаживает различия и контрасты, раскрашивая здания в одну и ту же гамму – оранжевый цвет включённых фонарей – и как бы меняет их местами. Такие грандиозные памятники как Колизей становятся невзрачными и почти незаметными, а такие малоизвестные строения, как церковь святого Карла или собор святой Агнессы, наоборот, во многом благодаря иллюминации, приобретают совершенно новый образ – запоминающийся и яркий...»

II

*«От дома мы пошли налево и через две минуты очутились на Fondamenta degli incurabili»
(Иосиф Бродский)*

Писать о Риме я закончил на тёплом мраморном парапете стрелки Дорсодуро. Вода Средиземного моря казалась ярко-зелёной и, может быть, поэтому внушала доверие, выглядя достаточно тёплой, чтобы было ощущение комфорта, и достаточно прохладной, чтобы на ярком солнце почувствовать себя освежающе.

Я в Венеции, но здесь так жарко, что в это верится с большим трудом. В фильме «Прогулки с Бродским» небо было тёмно-серым, а людей мало – поэт приезжал сюда только зимой. Мы – в конце марта, по итальянским меркам это уже конец зимы.

В Венеции улицы очень узкие, рядом могут идти только два человека, этот город как будто не терпит большого числа. В нашей группе – восемь, поэтому нам пришлось вытянуться в длинную цепочку. Я немного отстал, чтобы идти в удобном для себя темпе. При большом желании я могу за относительно короткое время догнать идущую впереди группу. Благодаря этому, изрядно отстав, я чувствую себя спокойно.

Заблудиться в Венеции практически невозможно. Планировка города такова, что все самые завитые улицы приводят к одной – единственной – широкой Главной улице, от которой расходятся все остальные. Здесь можно спокойно ходить и без карты, потому что в Венеции нельзя идти *direttamente, destra* или *sinistra*, можно только смещаться относительно какого-то известного объекта – *piazza San Marco* или *Canal Grande*.

Через некоторое время мы вышли на *Fondamenta degli incurabili* – Набережную неизлечимых. С этим названием у меня почему-то всегда были сложности, каждый раз хочется назвать её «Набережной обречённых». Хотя от этого значение названия не меняется – это место было прозвано так из-за госпиталя и прилегающих к нему кварталов, в которых в Средние века жили больные чумой. Эпидемия унесла тысячи жизней и выжившие венецианцы хотели поскорее забыть об этой катастрофе, поэтому переименовали набережную в *Fondamenta Zattere* (дословно – «Набережная плотов»).

Неподалёку от таблички со старым названием сверкает ещё одна – более конкретная:

«Иосиф Бродский, великий русский поэт, лауреат Нобелевской премии, воспел „Набережную неизлечимых“»

Настораживало слово «воспел». В известном эссе Бродского *Fondamenta degli incurabili* посвящена одна строчка, хотя и названо оно так же, как и набережная. Прочитав эссе, понимаешь, что воспева-ет-то Бродский не набережную, а Венецию.

Когда мы достигли Набережной неизлечимых, было уже около часа дня. Набережная – всегда открытое для солнца пространство, а особенно в это время суток. Мне нужно было писать, поэтому я сел на край набережной, опустил ноги к воде и достал записную книжку.

«В Сиене людей мало для того, чтобы позволить себе не обращать на них внимания, и достаточно много, чтобы не чувствовать себя в полном одиночестве...»

Я посмотрел в сторону. Неподалёку от меня спокойно спала группа студентов, накрывших голову чем-то от солнца. Говорят, что стоя на этом месте, Бродский вспоминал Петербург, в котором родился и провёл детство и юность. Здесь, в Венеции, я сидел на набережной и никак не мог понять, почему эти города считают чем-то похожим. Петербург – вполне самобытный город, у которого нет ничего общего с узкими венецианскими улицами и каналами.

Бродский приезжал сюда только зимой, когда небо здесь становится тёмно-серым, а на месте туристических толп молчит приятная пустота. Мне бы хотелось вернуться сюда в это же время и дело не в личности Бродского. Я хотел бы ходить по Венеции и думать о себе.

Было очень жарко, я съел мороженое. Затем мы повернули от набережной направо и пошли на другую сторону острова.

III

Последним, лирическим аккордом «Венецианского маршрута» должно было стать посещение могилы Бродского на острове Сан-Микеле. Об этом я узнал из специальной книжицы, выданной мне редактором, где в таблицах был подробно описан весь мой маршрут и дан мизерный перечень необходимых для любого туриста итальянских слов и выражений. Подавляющее большинство пространства листов я использовал для росписи своих многочисленных письменных принадлежностей, поэтому к концу поездки эта поначалу чистая, аккуратная, белая книжка стала тёмно-серой, ярко-фиолетовой и угольно-чёрной одновременно.

Те, кто уже бывали на Сан-Микеле, говорили мне, что «там грязно и отвратительно пахнет», несмотря на то, что «там» находится кладбище. Сейчас мне было уже все равно. Я успел посмотреть всё основное и хотел того, о чём ничего толком не знал. Поэтому любую возможность выбраться из номера я воспринимал как подарок от Небожителя.

В начале я забыл название острова, хотя оно и было в выданной мне книжке, и полагал, что Бродский был похоронен на Бурано. Затем я никак не мог определиться с вапоретто, на котором я должен был плыть. Я сел на прогретую солнцем голубую скамейку причала и был очень встревожен: смогу ли я вообще добраться до острова. Раскрыв записную книжку, я записал:

«Когда-то мы все были жизнерадостны и даже фотогеничны, а просыпались только с улыбкой на светлом лице...»

Годится в качестве альтернативного начала какого-нибудь будущего рассказа.

Я посмотрел в сторону Сан-Микеле. Отсюда остров напоминал брошенный испанский форт где-то у побережья Кубы. Сегодня жарко и солнечно, поэтому, смотря на красные с оранжевым оттенком стены острова, хочется увидеть там тропические пальмы, вместо остроугольных кипарисов.

В воздухе почувствовался горьковатый запах двигателя и, кажется, надо всей водной поверхностью пронеслась волна моторного гула – к причалу подошёл очередной вапоретто. Рослый, щетинистый кондуктор в солнцезащитных очках быстро набросил канат на кнехты и одним резким движением притянул теплоход к причалу.

- È a San Michele?

Я напрягся и выговорил:

- Sì, per favore.

Он отошел в сторону, и я взошел на борт.

Путь до Сан-Микеле составил не более двадцати минут. На маленькой площадке теплохода было очень тесно – видимо слишком многие желали посетить могилу Бродского. Я встал на небольших ступеньках и, свесив руки к воде, сделал вид, что не замечаю происходящей давки. К тому же так было гораздо удобнее.

- Il seguente San Michele!

Я попытался протиснуться сквозь толпу и чуть было не опоздал. На причал заветного острова мне пришлось прыгнуть, пространство небольшой площадки я преодолевал семь минут, за это время теплоход начал медленно отплывать.

Внутри, как и снаружи, Сан-Микеле напоминает монастырь – до прихода Наполеона в крепости острова находилась обитель католических монахов. Приезжих встречает улыбающийся padre и любезно указывает им путь. Где лежит Бродский, я не знал, поэтому мне тоже пришлось обратиться за помощью.

По широкой дороге из белых мраморных плит меня довели до места. Могила была где-то посередине острова и люди, которых я увидел на этом пути, не были ни грустными и ни веселыми – таковой была и вся атмосфера этого кладбища. Здесь не слышалось поминального плача. Здесь вообще не было никаких звуков, кроме ветряного гула или хрустящих под ногами кипарисовых веток, но за всем этим чувствовалась какая-то единая, молчаливая скорбь, видимо, и заставляющая каждого здесь лишиться каких-либо эмоций.

Вертикальная надгробная плита, без фотографии, только три коротких строчки:

ИОСИФ БРОДСКИЙ
24.V.1940 – 28.I.1996
JOSEPH BROSKY

Я слышал, что над его могилой ломают ручки, оставляют письма, приносят стихи. Неподалеку от нескольких букетов увядших цветов лежала только чья-то соломенная шляпа.

Мир не изменился: он не стал ни лучше и ни хуже. Просто остался элемент какой-то недосказанности. Я достал записную книжку и, раскрыв, зачеркнул последнюю написанную фразу, заменив другой:

«Когда-то мы все были жизнерадостны и даже фотогеничны, а просыпались только с улыбкой на светлом лице... Когда-то фотографии со мной всегда получались удачными. Теперь, просыпаясь утром с отвратительной гримасой на вялом лице, я думаю, почему на снимках у меня одного неожиданно закрываются глаза...»

На выходе меня ожидал тот же священник. Увидев меня, он помахал рукой и, улыбнувшись, произнес:

- Arrivederci, come nuovo!

Я кивнул ему и пошел на причал.

V.S.

Содержание

Авторы	2
Приветствие редактора	3
Русские в Риме. <i>А. Кузьмин</i>	4
Н.В. Гоголь. Рим <отрывок>	8
Мой Рим. Эссе. <i>А. Писков</i>	9
Просто сон. Рассказ. <i>Г. Глазов</i>	10
Культурный контекст. <i>Г. Глазов</i>	12
Рим и Петербург. Архитектура. <i>С. Поляков</i>	13
Сан Джиминьяно. <i>А. Рыбалко</i>	14
Мир тесен. Интервью с Ларисой. <i>Г. Глазов</i>	15
Палио. Рассказ. <i>А. Писков</i>	16
Записки о Сиене. <i>В. Воронов</i>	17
Русские во Флоренции. <i>А. Кузьмин, З. Сухоруков, А. Рыбалко</i>	18
Мир тесен. Интервью с Алексеем Бахтиным. <i>В. Воронов</i>	21
Культурный контекст. <i>Г. Глазов</i>	22
Вне контекста. <i>Е. Филиппов</i>	24
«Если завтра будет солнце, мы во Фьезоле поедem...» <i>А. Кузьмин, З. Сухоруков, Д. Крылов</i>	25
Новелла. <i>В. Воронов</i>	27
Венеция. «Прогулки с Бродским» <i>З. Сухоруков, В. Воронов, А. Кузьмин</i>	28
Отражения Венеции. <i>Г. Глазов, А. Писков, Е. Филиппов</i>	31
На заказ. <i>В. Воронов</i>	33

Авторы журнала выражают благодарность

НОУ «Школа имени Горчакова» (и лично С.Э. Гутцайту) и турфирме «Россита» (и лично Галине Папановой) за организацию поездки

Классическому Лицею Папы Бенедикта XV в Гроттаферрате и «Русскому экуменистическому центру» в Риме за теплый прием

Стефано Капилупи и Чечилии Пилю Боил за информационную поддержку при подготовке к поездке

Витторио и Джованне за помощь в Гроттаферрате и сладкий подарок

Джорджио Беннини за интересную встречу в Риме

Нашим гидам по Италии: Яне, Ларисе, Катерине, Наде и Максиму

